

ИНОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Йиржи Газда

- словарный состав претерпевает большие **изменения** в связи с изменениями в обществе и, с другой стороны, это тот уровень языковой системы, в котором эти изменения проявляются наиболее быстро и наглядно,
- часто высказываются мнения об **упадке языковой культуры**, об опасностях, грозящих русск. яз. прежде всего в связи с агрессивным вторжением в него иноязычных слов и с проникновением в устную и письменную речь, в том числе в публичное общение языкового субстандарта (просторечие, разг., жарг.),
- большую роль в этих процессах играют **масс-медия**, с одной стороны отражающие процессы, происходящие в обществе и в языке, с другой стороны, оказывающие на них немаловажное влияние.
- чтобы понять и правильно оценить эти процессы, надо вачать хотя бы с краткого анализа общей **языковой ситуации** России.

Говоря о ситуации любого языка или группы языков, мы имеем в виду общее общественное положение, в котором данный язык или языки функционируют и развиваются в определенной стране или на определенной территории в определенном отрезке времени в существующих политических, социальных и культурных условиях. Существенным аспектом языковой ситуации является ее динамический характер: она постоянно меняется, развивается и ее отдельные стороны и воздействующие факторы характеризуются внутренним напряжением.

Не менее важным моментом является факт, что отдельные языковые общности и входящие в них языки не находятся в изоляции, а существуют в контакте с другими общностями и их языками, являясь составной частью более широкого географического, политического и культурного ареала. Языковую ситуацию современных славянских языков, в том числе и рууск. яз., надо поэтому рассматривать в вышеуказанных рамках.

Мы живем в период, в котором мир человеческих языков претерпевает бурные изменения, важные не только для будущего развития Европы, но и всего мира. Хотя происходящие процессы и их причины нельзя считать чем-то совсем новым по своему существу, они характеризуются драматической интенсификацией и стремительностью развития. Одним из самых типичных явлений, вызванных современными цивилизационными условиями, является живое и относительно нетрудное передвижение населения как внутри отдельных общностей, так и между общностями, странами и континентами. Эта небывалая миграция, происходящая также в среднеевропейских славянских странах, конечно, влечет за собой также более интенсивные контакты между отдельными лицами, группами населения, и тем самым между разными культурами. В области языка в результате миграции происходит уравнивание (нивелировка) существующих различий, наблюдается своего рода гомогенизация языков, которую можно воспринимать как снижение языковой вариантности. Однако, с другой стороны, одновременно происходит смешивание языков, или же смешивание идиомов, говоров, социальных диалектов внутри отдельных национальных языков, что, наоборот, становится причиной неустойчивости, неопределенности и вариантности.

Славянские народы Центральной и Восточной Европы вступают в эту евроатлантическую ситуацию, во-первых, с некоторым опозданием, во-вторых, с историческим опытом продолжительного неудачного социального эксперимента, в котором они с разной степенью добровольности во второй половине 20-го века принимали участие. Общество в этих странах находится сегодня в очень непростом, полном противоречий положении, принимая, с одной стороны, жадно и зачастую некритически все новое от западного мира, а, с другой стороны, с трудом справляясь со всеми последствиями прошлого опыта. Отдельные аспекты этого положения заметно отражаются в языке и речи, в процессе коммуникации.

Проф. Земская, характеризуя в книге «Русский язык конца XX столетия» важнейшие изменения в сфере общественной коммуникации в России второй половины 80-х – первой половины 90-х годов, отмечает прежде всего следующие процессы:

- усиливающийся процесс настоящей демократизации языка, проявляющийся в резком расширении состава участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в журналы и газеты,
- почти полное отменение цензуры а автоцензуры,
- рост личностного начала в речи, когда безлика и безадресная речь сменяется речью личной и приобретает конкретного адресата,
- усиление тенденции к диалогичности как устного, так и письменного общения,
- расширение сферы спонтанного общения, причем не только личного, но и публичного,
- появление новых ситуаций и жанров общения в области публичной, и в области личной коммуникации,
- психологический отказ от бюрократического языка прошлого, т. наз. «новояза»,
- поиск новых средств выражения, а также возрождение наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещенных или отвергнутых в эпоху социализма,
- сдвиги и изменения языковых норм на всех системных уровнях языка.

Общеизвестно, что общественные изменения наиболее быстро и наглядно проявляются в области лексики. В словарном составе всех славянских языков, в том числе русском и чешском, в течение последнего десятилетия произошли довольно большие изменения, связанные главным образом с новым укладом жизни. Образуются новые слова, формируются новые значения слов, смещаются стилистические акценты, меняется употребление слов.

Вышеупомянутые процессы наиболее наглядно отражаются в языке средств массовой информации. Связанное с этими процессами ослабление текстовых норм в сфере журналистики и публицистики привели к таким сдвигам и изменениям в области употребления средств выражения, которые иногда называются «карнавализацией» языка или же «орнаментализацией» публицистического стиля. Причины этого положения надо усматривать именно в происходящих в исследуемых языках процессах, которые часто очень сложны и противоречивы. Остановимся вкратце на самых важных из них.

I

Во-первых это **семантические процессы** в лексике. Речь идет о разного рода сдвигах в значениях слов и их переоценке, как например, деактуализация значений, отражавших реалии, связанные с прежним режимом, политизация некоторых первоначально неполитических групп лексики и связанный с ней противоположный

процесс деполитизации некоторых политических терминов, метафоризация понятий как способ выражения оценки общественно-политической ситуации или нарушение прежней смысловой корреляции в области политического словника и ее замена новой и т.д.

а) Изменения социально-политического устройства общества вызвали **деактуализацию** многих значений слов, отражавших чисто советские реалии (уходят в разряд семантических архаизмов),

б) Преобразование смысловой структуры слов, отаржавших прежнюю идеологическую ориентацию. Процесс **деидеологизации** лексики проявляется в снятии пейоративной окраски, которая была обусловлена восприятием денотата сквозь призму коммунист. идеологии. Без идеологических приращений стали употребляться слова *бизнес...*

в) В сферу политических контекстов втягиваются слова, изначально не имевшие отношения к политике: *разрядка...*

г) Лексика, недавно вошедшая в **политические контексты**, уже используется в разговорной речи в контекстах, далеких от политики.

д) Язык прессы повышено **метафоричен**, наблюдается активизация целого ряда моделей метафорического представления современной действительности. Метафора – это не только прием изображения, это способ мышления, способ восприятия мира. Метафоры показывают, как картина мира отражается в общественном сознании и какова она, эта картина.

Слова, которые в первичном значении используются в понятийном поле «преступный мир», «больной организм», «милитаризм», в разных текстах метафорически обозначают социальную действительность современной России.

II

Следующим заметным явлением в области языка является тенденция к **усилению функциональной динамики** языковых единиц, как в направлении по вертикали (от социальных диалектов, через разговорный язык, по литературный язык), так и в направлении по горизонтали (от периферии к центру). Важную роль здесь играют масс-медиа, главным образом печать. Конкретно речь идет, напр., о возвращении «забытых» слов из области политики, экономики, государственного управления, духовной сферы и т. п., а также проникание в газетный язык профессионализмов и жаргонизмов, причем стилистическое сопоставление синонимичных наименований определенного явления часто используется в качестве средства социально-стилевой и политической конфронтации.

Актуализация и пассивизация лексем проявляется в языке всегда, интересным для рассматриваемого периода является именно то, что происходит актуализация целых пластов лексики. Слова и словосочетания, связанные с новым общественным строем и рыночной экономикой, входят в активный словарь носителей языка, а слова и словосочетания, которые связаны с «социалистическим выбором», уходят в пассив. Актуализация и пассивизация лексики – явления неодинаковой интенсивности и объема. **Актуализация** в новейший период происходит намного быстрее и затрагивает намного более обширные слои лексики, чем пассивизация, которая наблюдается сейчас

в основном в общественно-политической, идеологической и той части экономической лексики, которая характеризовала социалистическую экономику. (а) В жизнь, наоборот, входят многие из забытых слов и целых слоев лексики. (б) Сюда относятся, напр., морально-этическая и духовная лексика, экономическая и политическая терминология, административно-территориальная лексика и выражения речевого этикета.

Надо, однако, отдать себе отчет в том, что процесс актуализации и пассивизации происходит не только на количественном уровне «возвращения забытого» и «забывания ненужного», а он напрямую связан со смысловыми сдвигами, проявляющимися изменениями идеологических коннотаций или переосмыслением номинации. **Изменение идеологических коннотаций** идет по двум основным направлениям: 1) слова и словосочетания с отрицательной оценочностью становятся нейтральными (*верующий, капитализм, коммерсант, конкуренция, миллионер, частник*), 2) слова с положительной оценочностью получают пренебрежительно-отрицательную или ироничную оценку (*большевик, коммунист, октябрь, плановый, социализм, советские люди, соцреализм*). Под **переориентацией номинации** мы понимаем изменение в употреблении слов, при котором слова, обозначавшие раньше зарубежную или дореволюционную действительность, начинают употребляться для номинации российской действительности (*акционер, биржевик, концерн, свободные цены, приватизация, инфляция, монополия*). Оба процесса тесно взаимосвязаны, так как при перенесении западных и дореволюционных понятий на современную русскую почву изменялась одновременно оценочность многих из них.

в) В современной публицистике заметен сдвиг в сторону **экспрессивизации** речи, которая связана со **снятием языковых табу**. В газетах новейшего периода четко выделяются два основных направления в употреблении лексики: это лавинообразное употребление сниженной лексики – от пейоративной до грубой, представленной просторечными словами, жаргонизмами и вульгаризмами, и еще более лавинообразное употребление заимствованной и иноязычной лексики. Эти тенденции на первый взгляд противоположны: употребление иностранных слов всегда считалось признаком книжности, начитанности, а употребление сниженной лексики характерно как для устной разговорной речи, так и для речи малообразованной. И все же лексика таких непохожих на вид групп существует сейчас не только в одной и той же статье, но даже в одном и том же предложении. Смещение стилей стало не исключением, а, скорее, правилом. В случае иноязычных слов дело осложняется еще и тем, что заимствованные слова, замещающие первоначально слова высокого стиля, в сегодняшней речевой практике, прежде всего в жаргоне молодежи, превращаются в свою стилевую противоположность, так что появление иноязычного слова в тексте вовсе уже не является однозначным сигналом книжного стиля, а часто скорее наоборот – знаком некультурного речевого поведения.

Что касается употребления стилистически сниженной (субстандартной) лексики, то в языке газеты это опять феномен не новый, но он меняется качественно, в сторону большей вульгаризации. Объясняется это тем, что в последнем десятилетии потребность в экспрессивных средствах особенно велика, что и проявляется в невероятном количестве сниженных элементов на страницах газет. Это явление имеет свою социальную базу и может рассматриваться как реакция на долгие периоды государственного давления и цензуры. Фактически этому способствует то обстоятельство, что в период разгосударствления ослабевает сама нормотворческая функция государства: отменяется газетная цензура, становится менее строгой

редакторская правка. Особенно большое место среди сниженной лексики занимает лексика с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Это, конечно, неудивительно. Перестроечные и постперестроечные трансформационные процессы в бывшем СССР, пусть даже половинчатые, привели все-таки к гласности, открытости и свободе слова де-факто. У журналистов появилась возможность наконец-то стать журналистами в прямом смысле этого слова и высказывать свое личное мнение по поводу различных фактов в жизни страны и за рубежом. Для создания специальных эмоционально-оценочных эффектов, которые требуются в определенном контексте, следовательно, привлекаются сниженные слои лексики, чем и достигается требуемый эффект: осуждение, неодобрение, ирония, презрение и т. п.

III

Ярким проявлением новоприобретенной свободы слова является **языковая игра**, которую некоторые лингвисты считают важнейшим фактором развития языка. Конец 20-го века иногда даже называют «веком окказинализмов», т. е. авторских неологизмов, новообразований, возникающих при индивидуальной речевой деятельности в целях повышения эмоциональности, экспрессивности высказывания или же в результате стремления подчеркнуть особенность или важность обозначаемого явления. В результате языковой игры появляются также разного рода политические метафоры, перифразы или интертекстовые реминисценции, часто превращающие публицистический текст в малопонятную для неосведомленного читателя шифру.

Окказинализмы (ситуативны неологизмы) - новообразования, разрушающие стереотипы восприятия (в структурном и семантическом плане, дают возможность более точно и более полно выразить свои мысли и чувства, дать оценку происходящему, усилить эмоционально-экспрессивную выразительность речи, позволяют экономить языковые средства.

IV

Особую статью в области динамики языковых процессов представляет собой процесс **интернационализации словарного состава** славянских языков, проявляющийся прежде всего в активизации использования в них иноязычных слов, в основном англицизмов и американизмов. Речь идет, однако, не только о проникании иноязычных неологизмов в словарный состав исследуемых языков, но также об актуализации раньше заимствованных слов-терминов из области экономики, финансового дела, торговли и т. д.

Процесс интернационализации словарного состава славянских языков, однако, не исчерпывается одним только лексическим заимствованием а затрагивает также область **словообразования**. Речь идет об интенсификации в процессе неологической номинации употребления иноязычных словообразовательных морфем разного типа и происхождения.

С точки зрения **словообразовательных процессов** иноязычные наименования интересны постольку, поскольку они сами становятся мотивирующими основами для образования принадлежащих к разным частям речи новых производных наименований.

Базовыми словами, на основе которых создаются новые словообразовательные гнезда, становятся в основном иноязычные существительные из области политики, экономики, торговли, вычислительной техники, а также спорта, культуры, моды или быта. В качестве примера можно привести словообразовательные гнезда слов *спонсор/sponzor* в русск. и чешск. языках: русск. *спонсор, спонсорский, спонсировать, спонсирование, спонсорьё*; чешск. *sponzor, sponzorský, sponzorovat, zasponzorovat, sponzorování, sponzorství*.

От заимствованных существительных возникают путем присоединения соответствующих аффиксов прежде всего новые прилагательные: русск. *бартерный, брокерский, ваучерный, дилерский, консалтинговый, лизинговый, офисный, тендерный, трастовый, факторинговый, фьючерсный, электоральный; андерграундный, клиповый, ксероксный, нейджинговый, рейтинговый, софтверный, тинэйджеровский*; чешск. *barterový, brokerský, castingový, dealerský, grantový, leasingový; e-mailový, freewerový, internetový, sharewerový; feelingový, happeningový, klipový, paintballový, peelingový, squashový*.

Более редко путем суффиксации образуются новые глаголы: русск. *лоббировать, локализовать, пролонгировать, пикетировать, спонсировать; ксерить, факсовать*; чешск. *bootovat, draftovat, faxovat, internetovat, joggovat, mailovat, upgradovat, xeroxovat*. Глагольные новообразования, а также раньше заимствованные иноязычные слова, затем обрастают другими аффиксами, придающими производным глаголам чаще всего грамматическое значение совершенного вида, что способствует еще более полному усвоению этих наименований данными языками. В русск. яз. активны особенно префиксы **про-**, **с-** и **от-**: *пролоббировать, профинансировать; спрофилировать, спрогнозировать; отрефлексировать, отрекламировать, отрецензировать*; в чешск. яз. наиболее продуктивны глагольные приставки **od-** (*oddotovat, odfaxovat, odinstalovat, odmonopolizovat*), **vy-** (*vydefinovat, vydraftovat, vyreklamovat, vysponzorovat*), **z-** (*zdigitalizovat, zkomprimovat, zkonvertovat, zmonitorovat, zresetovat, zunitarizovat*), **za-** (*zafaxovat, zalobovat, zasurfovat, zazipovat*).

Преобладающее большинство приведенных новообразований возникает в сфере профессионального общения, но многие из них через посредство масс-медиа проникают в обиходно-разговорный и литературный язык.

Процесс интернационализации словарного состава славянских языков, однако, не исчерпывается одним только лексическим заимствованием и включением заимствований в словообразовательные процессы, но проявляется также в интенсификации в процессе неологической номинации **употребления иноязычных словообразовательных морфем** разного типа и происхождения. Речь идет, во-первых, об активизации употребления аффиксальных морфем иностранного происхождения, соединяющихся с основами как иностранного, так и славянского происхождения, и, во-вторых, о процессе превращения иноязычных слов или корневых морфем в новые словообразовательные аффиксы.

Аффиксы иноязычного происхождения активно используются прежде всего в области **именной префиксации**, т. е. в процессе образования новых существительных и прилагательных. В словопроизводстве 90-х гг. особую частотность приобрели префиксы, служащие для выражения важных с исторической точки зрения общественных явлений и процессов.

Семантику устранения, ликвидации старых устоев и их последствий выражают существительные с приставкой **de-/de-** (русск. *дебюрократизация, деидеологизация, деколлективизация, демонополизация, деполитизация, десоциализация, десоветизация, детоталитаризация*; чешск. *debolševizace, deetatizace, deideologizace, dekriminalizace*,

delegitimizace, demonopolizace, derusifikace, detabuizace), причем данная приставка в обоих языках сочетается преимущественно с существительными на *-изация/-izace*.

В исследуемый период возрасла также активность префикса *пост-/post-*, обозначающего признаки или явления, характерные для времени, наступающего после переломных общественных событий. Префикс *пост-/post-* участвует прежде всего в образовании новых прилагательных (русск. *постимперский, постколлективистский, посткоммунистический, постперестроечный, постсоциалистический, постсоветский, постматалитарный*; чешск. *postfederální, postinvazní, postkolchozní, postkomunistický, postsocialistický, postsovětský, poststudenoválečnický, posttotalitní, postvelmocenský*). В чешск. яз. повышенная частотность наименований с этой приставкой способствует повышенной по сравнению с предшествующим периодом словообразовательной активности префикса *post-* вообще, о чем свидетельствуют появляющиеся в газетных текстах многие нетерминологические образования окказионального характера (*postkatastrofický, postmanželský, postsezonní, posttelevizní*).

Семантика прекращения действия признака, выражаемого базовым словом, свойственна также производным существительным с приставкой *экс-/ex-*, называющим лица. Неологизмы с данной приставкой тоже обслуживают главным образом область политической жизни (русск. *экс-коммунист, экс-парламентарий, экс-прмьер; экс-жена*; чешск. *exdiplomat, exdisident, exkomunista, exmluvčí, exposlanec, expremiér; expolicista, expřítel, exreprezentant, exředitel*).

Политический словарь 90-х гг. значительно пополнился также новыми существительными и прилагательными с приставкой *антму-/anti-*, выражающей семантику отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: русск. *антирынок, антипарламент, антирыночник, антисоюзный, антисталинизм, антицентристский; антигорбачевцы, антиельцинцы, антируцкисты*; чешск. *antievropan, antievropství, antilobby, antirasismus, antireforma, antireformista, antitrh; antievropský, antimonopolní, antipolitický, antireformní, antirežimní, antiromský, antitržní*. Как видно по приведенным примерам, многие наименования носят характер публицистических неологизмов, модных слов, неологизмов контекста, т. е. новообразований, не претендующих на закрепление в языке, а создающих образ общественной и языковой ситуации данного периода жизни общества.

В чешском языке, в отличие от русского, интернациональной приставке *anti-* конкурирует не менее продуктивная чешская приставка *proti-* того же значения, используемая, однако, только в значении противодействия. В данном значении в чешск. яз. отдается предпочтение словам, в основном прилагательным, именно с этой приставкой: *protipartheidní, proticizinecký, protidrogový, protiekologický, protifederální, protifeministický, protilustrační, protimonopolní, protioficiální, protirežimní, protiteroristický, protitržní*). В русск. яз., в свою очередь, репертуар продуктивных префиксов с основным значением отрицания дополняет приставка *контр-*, производящая существительные процессуальной семантики, обозначающие нечто, направленное против того, что называет базовая основа (*контраргументы, контрвыступление, контрдемонстрация, контрконцепция, контрлозунги, контрмитинг, контрреформа*). В чеш. яз. данный префикс в настоящее время почти полностью утратил продуктивность (*kontrakultura, kontraopatření; kontraproduktivní*).

В основном речевой, окказиональный характер носят новые существительные и прилагательные с приставкой *псевдо-/pseudo-*, вносящие в данные наименования семантику разоблачения лживости и фальшивости явлений, обозначаемых мотивирующим словом, чаще всего названий процессов и явлений, касающихся области политики, идеологии, истории а также названий лиц: русск. *псевдопатриотический, псевдо-рыночный, псевдоисторический; псевдосвобода, псевдокультура, псевдосоциализм*,

псевдокапитализм, псевдореволюция, псевдопутч, псевдопартийность; псевдодемократ, псевдогуманист, псевдомонархист, псевдореформатор; чешск. pseudofederální, pseudohumanitární, pseudokřesťanský, pseudostátní, pseudosociální; pseudodružstvenictví, pseudoprofesionál, pseudoreklama, pseudorovnostář).

Ограниченной продуктивностью в данном контексте обладает префикс **про-/pro-**, придающий новым наименованиям значение «в пользу, в интересах кого или чего». Как отмечает Е. А. Земская (Земская, 1996, с. 114), в русск. яз. этот префикс ранее сочетался с прилагательными, произведенными от названий стран или режимов (*проамериканский, профашистский*), выражая обычно негативную оценку. В наши дни префикс *про-* используется шире, чем раньше, причем одновременно происходит деидеологизация производных с этой приставкой, выражающих не только негативную, но также положительную оценку (русск. *проинфляционный, проправительственный, пропрезидентский, произраильский, пронатовский, прорыночный, проельцинский*; чешск. *proevropanský, profederální, proíranský, proislámský, proizraelský, proprlamentní, proreformní, prorůstový; proevropan, profederalista*).

Скорее периферийным с точки зрения продуктивности интернациональных префиксов является префикс **ре-/re-**, встречающийся в новообразованиях, главным образом существительных и глаголах, со значением восстановления прежнего положения или повторности: русск. *рефинансирование, реструктуризация, реэкспорт*; чешск. *refinancování, regermanizace, rekodifikace, repolonizace, restrukturalizace, rekorytizace; rekodifikační, rekodifikovat*).

Ради полноты изложения напомним о продолжающейся словообразовательной активности производной приставки **супер-/super-**, хотя нововозникающие выражения в большинстве случаев прямо не связаны с лексическим полем общественно-политических изменений. Повышенная частотность образования и употребления подобных слов связана, с одной стороны, с обозначением явлений, связанных с научно-техническим прогрессом, с другой стороны, со свойственной современным языкам тенденцией к повышенной экспрессии (русск. *супердорогой, супердешевый, суперосторожный, суперфантастический; суперпрофессионал, суперпианист, суперреформатор, суперцена, суперсредство, супертуннель*, чешск. *superkvalitní, superlevný, superbezpečný, superhvězdný, supervytrvalecký, superpočítačový; superbyznys, supercena, superhotel, superpočítač, supersleva, superklub, superhit, superkvalita, superprojekt, superturnaj, superstřelec*).

В сопоставительном плане стоит отметить факт, что в современном чешском языке, в отличие от русского, нет вариантного чешского словообразовательного средства типа русск. приставки **сверх-** (*сверхмилитаризованный, сверхнадежный, сверхценный, сверхпозитивный*); соответствующая семантика в чешск. яз. должна альтернативно выражаться лексическими средствами, т. е. наречиями *obzvlášť, zvlášť, mimořádně*.

В процессе интернационализации словарного состава славянских языков, в том числе русского и чешского, важное место принадлежит **суффиксации**. Относительно высокой продуктивностью отличаются прежде всего именные суффиксы **-изм/-izmus, -(из)ация/-(iz)ace, -ист/-ista**.

Для номинации общественно-политических процессов, произошедших в бывших соцстранах, потребовались новые процессуальные существительные, что и выразилось в активизации суффикса **-(из)ация/-(iz)ace**. В новейшее время, кроме ряда узуальных существительных, с помощью этого суффикса в спонтанной речи легко образуются окказиональные слова. Кроме приведенных выше новообразований с приставками *де-* и *ре-* это, например, такие выражения, как русск. *балканизация, белоруссизация, долларизация, ливанизация, украинизация, эстонизация*;

аппаратизация, векселизация, велосипедизация, дебилизация, зарплатизация, информатизация, кокаколонизация, коммерциализация, купонизация, легитимизация, люмпенизация, рублевизация, третьемизация; чешск. *digitalizace, kabelizace, komputerizace; banánizace, dolarizace, ekologizace, ghattizace, hamburgerizace, mafianizace, prevítizace*). Судя по доступным источникам и речевому опыту, в сфере спонтанного словотворчества и в публицистике этот суффикс намного более активен в русской языковой среде.

В чешском языке, в свою очередь, более активным, чем в русском, кажется суффикс *-ucm/-ista* в новообразованиях с основным значением «лицо, характеризующееся свойством, взглядом, сферой занятости, которые названы мотивирующим словом» (русск. *ельцинист, уклонист, этноцентрист*; чешск. *katastrofista, klausista, režimista*). Этот факт в системном плане объясним тем, что в русск. яз. для выражения некоторых частичных значений в категории Nomina actoris отдается предпочтение русскому суффиксу *-щик/-чик, -ник*, между тем как в чешск. яз. словообразовательная активность главным образом суффикса *-ník* уменьшается (ср. русск. *перестроечник*/чешск. *přestavbista*). Хотя суф. *-ucm* считается в русск. яз. наиболее руссифицированной заимствованной морфемой, он и в новейшее время предпочитает (так же, как и в чешск. яз.) образовывать новые выражения от заимствованных слов (русск. *альянсист, лоббист, металлист, солидарист, толкинист, экологист*; чешск. *bazarista, designerista, galerista, graffitista, heroinista, hifista, lobbista, mobilista, nikotinista, scifista, sloganista*). Кроме исследуемых тематических областей новые существительные с этой приставкой в чешск. яз. возникают прежде всего в профессиональном общении, в области вычислительной техники и спорта (*amigista, atarista, dosista, internetista, modemista, scannerista; aikidista, cyklotrialista, duatlonista, florbalista, inlajnista, kendista, korfbalista, softbalista*)

Менее продуктивен в обоих языках суффикс *-изм/-ismus, -ismus*, участвующий в образовании новых слов, обозначающих отвлеченные понятия. Судя по уделяемому этому суффиксу сравнительно малому вниманию со стороны русских лингвистов, он занимает в процессе интернационализации словарного состава русск. яз. скорее периферийное положение (*лаоконизм, хулиганизм*). В чешск. яз. новообразования с этим суффиксом возникают в основном в области публицистики, часто в качестве окказиональных выражений со стилистическим оттенком неодобрения и иронии (*apriorismus, dirigismus, konzumismus, lobbismus, olympismus, redukcionismus, sexismus; blábolismus, (vlez)doprdelizmus, (je)třebismus, freizimmerismus, musismus, velkohubismus*).

Последние два десятилетия развития славянских языков характеризуются ростом аналитизма и черт агглютинации в их словообразовательных системах. Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции является резкое увеличение числа **сложных лексических единиц**, в образовании которых принимают участие т. наз. аналитические прилагательные иноязычного происхождения, стоящие в препозиции и выполняющие функцию определения. Речь идет об интернациональных корневых морфемах типа русск. *авто-, био-, видео-, кино-, порно-, радио-, репро-, стерео-, теле-, эко-, электро-, фото-*, чешск. *audio-, auto-, bio-, cyklo-, dia-, eko-, elektro-, euro-, foto-, moto-, porno-, profi-, radio-, repro-, stereo-, tele-, video-* и т. д., а также о препозитивных морфемах с количественным значением типа русск. *гипер-, макси-, макро-, микро-, мини-, мульти-, ультра-*; чешск. *takro-, mikro- mini-, multi-, hyper-, super-, ultra-*. Данные словообразовательные элементы свободно сочетаются с основами как иноязычного, так и славянского происхождения, образуя новые слова терминологического и нетерминологического, часто окказионального характера, и способствуя, таким образом, дальнейшей интернационализации словарного состава славянских языков (ср. русск. *автомагнитола, биополе, видеопират, кинореклама,*

порнофильм, радиожурналист, ретростиль, стереозапись, телепокупки, экосоциализм, электромобиль, фотомодель; гиперинфляция, макроэкономика, микроклимат, мультикультура; чешск. audiokazeta, autovrak, bioplyn, cyklostezka, diapotraviny, ekovýrobek, elektromobil, euroměna, fotožurnalistika, motorikša, pornoherečka, profiliga, radiobudík, reprosoustava, stereoobraz, teleinzerce, videostěna; makroukazatel, minivěž, multivitamín, ultramaraton).

Сопоставляя продуктивные в новейшее время в русск. и чешск. яз. словообразовательные модели, приходим к заключению, что тенденции к агглютинации и интернационализации все-таки более активно проявляются в русском языке, так как, например, репертуар аналитических прилагательных в русск. яз. включает также тип словообразовательных препозитивных элементов, которые чешской словообразовательной системе не свойственны. Речь идет об иноязычных лексических элементах типа *бизнес-, блиц-, пресс-, поп-, рок-, стресс-, секс-, шоп-, экспресс-* и др., выполняющих в сложных словах роль аналитического прилагательного (*бизнес-клуб, блиц-визит, пресс-секретарь, поп-звезда, рок-тусовка, стресс-фактор, секс-меньшинство, шоп-туризм, экспресс-информация*). В чешск. яз. для выражения подобных понятий необходимо воспользоваться словосочетанием с полной формой прилагательного (*podnikatelský klub, blesková návštěva, tiskový tajemník, hvězda populární hudby, rocková párty, stresující faktor, sexuální menšina, nákupní turistika, expresní informace*). Можно даже предположить, что данная эволюционная типологическая дивергенция между сопоставляемыми языками будет постепенно увеличиваться по мере закрепления в русском языке новых заимствований и их превращения в потенциальные аналитические прилагательные.

- отношение к заимствованиям неодинаково как у разных национальностей, так и у отдельных индивидуумов,

- лингвисты разделяют мнение, что лексическое заимствование оправдано в тех случаях, когда оно ведет к настоящему обогащению словарного состава заимствующего языка, т. е. тогда, когда употребление иноязычного слова вызвано функциональной необходимостью. Беспокойство этот процесс вызывает только тогда, когда чрезмерное и необоснованное употребление иноязычных слов является лишь проявлением моды, языкового снобизма или низкого уровня языковой культуры вообще.

- несмотря на особенности и трудности употребления англицизмов они встречаются в текстах публичной и обиходной коммуникации и их употребление обычно не считается нарушением языковой культуры. Иногда они, конечно, могут вызывать затруднения при создании и восприятии текстов, так как не всегда они обладают устойчивостью формы и прозрачностью семантики. Это, в конце концов, относится не только к новым англицизмам, но к иноязычной и интернациональной лексике вообще. Широкая общественность поэтому приветствует новые издания нормативных словарей, словарей новых слов и иностранных слов, которые пользуются большой популярностью, помогая ориентироваться в стремительно развивающейся языковой ситуации.

Процесс интернационализации словарного состава славянских языков можно в более широких общественных рамках рассматривать как одно из проявлений глобализации. Однако между тем как процесс глобализации оценивается социологами скорее как явление, вызывающее новые социальные и экономические проблемы, интернационализационные тенденции в сфере языка надо оценивать как явление, облегчающее процесс международной коммуникации и способствующий лучшему межнациональному взаимопониманию как в средневропейском регионе, так и за его пределами.

ДУЛИЧЕНКО, А. Д.: *Русский язык конца XX столетия*. Slavistische Beiträge, Band 317, Verlag Otto Sagner, München 1994, S.347.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Под ред. Е. А. Земской. Москва : Языки русской культуры, 1996, с. 90–141.

ШАПОШНИКОВ, В. Н. *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отражении*. Москва : МАЛП, 1998, с. 90–102.

ФЕРМ, Л.: *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. Studia Slavica Upsaliensia 33, Uppsala 1994, S. 238.